

Историки знают, что «воля», объявленная царским манифестом от 19 февраля (3 марта по нов. ст.) 1861 г. «О Всемилоштивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» фактически численно касалась лишь одного из каждых двух российских крестьян рубежа 1860-х годов. А именно, – крестьян помещичьих, крепостных (которых, впрочем, насчитывалось в Российской империи на тот момент 23,1 миллиона душ обоих полов). Крестьяне 2-х других разрядов – государственные и удельные (последние принадлежали лично Дому Романовых) этими правами на тот момент были уже наделены.

При анализе практики проведения «Великой реформы» принято рассматривать отдельно хозяйственно-экономические особенности, интересы и запросы крестьян черноземных губерний и Нечерноземья, польских, западных территорий и других национальных окраин, Сибири.

На наш взгляд, резонно проанализировать и ещё одну прослойку крепостных помещичьих крестьян, имеющих достаточно внятное отличие в своём хозяйственно-экономическом существовании от основной массы российских крестьянства.

На примере реализации потенциала Манифеста Александра II от 19 февраля в узле деревень отдельно взятого Рябовского имения помещиков Всеволожских – поместья, находящегося в 40 верстах от столицы Государства Российского, со всеми вытекающими возможностями и стимулами территории, объективно предназначенной обслуживать интересы огромного города, – здесь стоит заговорить отдельно о предпринимательских, промысловых, даже меркантильных устремлениях крестьян, живущих и работающих в ареале воздействия экономической жизни больших городов, подобных Санкт-Петербургу.

Полный размер имения Всеволожских в канун реформы составлял 9.523 дес. (при 200.000 руб. их оценочной стоимости). Владения представляли из себя узел из 8-ми деревень (Румболово, Кяселево, Пугарево, Губки/Романовка, Корнево, Минулово, Углово, Бабино) и усадьбы-мызы Рябово, которые находились друг от друга на максимальном расстоянии в 7 верст. (На территориях Рябово, Румболово, Кяселево, Пугарево ныне частично расположен город Всеволожск). В них на тот момент проживало 412 крепостных душ мужского пола, из которых 391 имели право, согласно положению о Проведении крестьянской реформы, претендовать на наделение их землёй (так как 21 крепостной являлись дворовыми мужиками Всеволожских, то им «даровалась» одна «воля» без собственного дома, усадьбы и пашни). Деревенские же в значительном большинстве были финны-ингерманландцы, преимущественно протестанты-лютеране. Лишь в самой усадьбе Всеволожских и близлежащей к ней деревеньке Кяселево треть крестьян были русские, соответственно православные.

До Манифеста 1861 г. в пользовании крепостных крестьян помещиков Всеволожских (по сведениям Уставной грамоты) было 2829 десятин земли.

Но, конечно же, не одной землёю, не продукцией традиционного полеводства, прежде всего, кормили себя, свои семьи (и помещика!) крестьяне господ Всеволожских. Отличительной особенностью экономической деятельности крестьян пригородных волостей являлись промысловые занятия в самом Петербурге или на местах своего жительства, но имеющие в виду нужды столичного города. Промыслами занимались около 94% подпетербургских крестьянских семей, одновременно с земледелием, которым кормят себя 90% этих же семей. Даже по самым минимальным исчислениям, средняя крестьянская семья получала от земледелия менее половины своих доходов, и большую часть – от промыслов. Запросы столичного рынка при наличии благоустроенной проезжей дороги от Рябово до самых Охтинских пороховых заводов позволяли непосредственно нашим крестьянам снабжать горожан свежим молоком (помните знаменитое пушкинское «С кувшином охтинка спешит»?), торговать овощами, садовой ягодой и прочими припасами с приусадебных огородов, занимаясь, как бы сейчас сказали, – промышленным сбором грибов и лесных ягод, заготовкой ивово-коры для кожевенных предприятий Петербурга. Мужики Всеволожского владения посезонно работали на многочисленных в округе кирпичных заводах (в близлежащей соседней мызе «Приютино» владельца Ф.М. Адамсона действовало производство, производившее 500 тысяч штук кирпича в год), торфоразработках. Мужчины промышленно извозом, заготовкой дров, женщины уходили в прислугу. Рябовские крестьяне занимались бондарным и плотницким делом.

Пример предприимчивости и производящей

3 марта 2011 г. в ротонде Мариинского дворца в Санкт-Петербурге прошла мемориальная конференция "Великие реформы и модернизация России", посвященная 150-й годовщине полной отмены крепостного права в нашем Отечестве. Конференцию открывала выставка наиглавнейших правовых актов Крестьянской реформы 1861 г., представленная Российским государственным историческим архивом, в числе которых была Уставная грамота, заключенная между помещиком А.В. Всеволожским и крестьянами 8-ми деревень Рябовской вотчины.

Великая реформа в имени Всеволожских

сметливости показывают им немецкие колонисты, поселившиеся в Охтинском пригороде Санкт-Петербурга лет за 15-17 до Реформы, из колоний Смольная (Ковалёво), Приютино, Овчина (посёлок им. Свердлова). Немецкие экономии, сориентированные на товарное производство, занимаются преимущественно молочным хозяйством.

Главная же масса крестьянского люда или устраивается в столице при делах, не требующих почти никаких профессиональных знаний (прислуга, дворники, извозчики, мостовщики, полотеры и т. п.), или же занимается промыслами на местах своего жительства (заготовками и доставкой лесных материалов и снеди, перевозкой разных сырых продуктов, добычей каменной плиты, песка и т.д.). В целом по Рябовской волости в это время были заняты на промыслах 382 семьи, то есть 99,3% всех крестьянских семей.

Таким образом, не сложно догадаться, что для Всеволожских крестьян отсутствие «воли» – независимости от вмешательства в их трудовой быт помещика и его управляющих (читай: отсутствие полной хозяйственной самостоятельности) являлось на 1861 г. даже гораздо более существенным вопросом, чем наделение пахотной землёй. На достоинства ему предлагаемой по Закону сельскохозяйственно-культурной земли (которой, впрочем, крестьянин в перспективе владел бы под контролем уже «родной» сельской общины!) бывший всеволожский крепостной смотрел с точки зрения удобства в производстве товарно-рыночных продуктов. Для него какая-нибудь четвертушка десятины унавоженной пашни, удобная для приусадебного промыслового огородничества, превращалась в гораздо более значимую ценность, чем, скажем, 2 десятины пашни на дальнем поле.

Но вернёмся к событиям 1861 г. в имени Всеволожских.

На 19 февраля 1861 г. его владельцем являлся действительный статский советник (генерал-майор в гражданской службе), церемониймейстер императорского Двора Александр Всеволодович Всеволожский – участник Отечественной войны, человек просвещенный, любитель театра и литературы, друживший с Пушкиным, Грибоедовым, Жуковским, Вяземским, Глинкой. Непосредственно Рябовской вотчиной он занимался мало, передоверив управление некому Салькову, вошедшему в историю округа «арестом» коров, потравивших помещичьи угодья в Углово и Романовке. Кроме этого пригородного имения А.В. Всеволожский владел ещё имениями в Соликамском уезде Пермской губернии и Болховском уезде Орловской губернии, доставшимися ему от отца – камергера В.А. Всеволожского, известного всему Петербургу 1820-30-х гг. богача-помещика. Нельзя также забывать, что на тот момент на бюджете Рябовского владения «висели» миллионные долги в казну и частным лицам, возникшие во времена управления имением отцом-камергером. Последний был склонен как к экономически рискованному хозяйственным экспериментам, так и совершил огромные (и где-то для его семьи безвозвратные!) материальные вложения в проведение общественно-значимых ирригационных работ на принадлежащих ему территориях (осушение болот, прокладка системы каналов, окультуривание лесных массивов). Совершил и значительные траты в благоустройство дорог, ведущих к Петербургу.

Долги по имению и соответствующие проценты требовали очередных выплат. И 1 октября 1862 г. владелец имения заложил его Санкт-Петербургской сохранный казне под 150.000 руб. ассигнациями. А уже **20 октября 1862 г.** им была заключена Уставная грамота по имению Рябово (именуемого в Уставной грамоте «Рябовской вотчиной») на имя действительного статского советника А.В. Всеволожского с крестьянами деревень Кяселево и Пугарево (1-й участок, образовавший в дальнейшем

единое сельское общество), Румболово (2-й участок и соответствующее сельское общество) и Губки/Романовка, Корнево, Минулово-Досик-тожь, Углово, Бабино (3-й участок из 5-ти деревень с единым сельским обществом в дальнейшем). На крестьянские усадьбы (дом+огород) по Уставной грамоте сразу отдавалось в собственность крестьян названных деревень 34 десятины владения Всеволожских. Названным сельским обществам было отпущено в наделы, исходя из количества учтенных мужских душ, 1270,75 дес. сел.-хоз. удобной и 137,11 дес. неудобной земли. Неудобная земля по 27 Ст. Местного положения о Реформе исключалась из крестьянского надела, а отдавалась безвозмездно «в пользование» сельских обществ.

Таким образом, надел на 1 ревизионную (мужскую) душу у помещиков Всеволожских составил 3 дес. 600 саж. или 3 с четвертью десятины (Тем не менее, это был один из самых больших пореформенных крестьянских наделов на Северо-Западе России). Но за него причиталось и оброка 10 – 12 руб. с души в год! (Такой «пореформенный оброк» был распространен на многих «временнообязанных крестьян» пригородных волостей Санкт-Петербургской губернии и являлся самым высоким во всей Российской империи на тот момент).

Важно отметить, что до Манифеста 1861 г. крестьянские наделы Рябовского имения составляли 2829 дес. сел.-хоз. удобной земли (т.е. 55,1% крестьянской земли было изъято в пользу Всеволожских). В Уставной грамоте было оговорено, что недостающая кое-где пашенная земля дается крестьянам во временное пользование до весны 1865 г. Крестьянам в общее пользование предоставлены также водопой на реках, но озера остались за помещиком, рыбачить запрещалось (в 1867 г. был всё же разрешен ограниченный отлов рыбы).

2 ноября 1862 г. Уставная грамота была провтерена мировым посредником Лапшиным и, в присутствии свидетелей, оглашена 18 делегатам от 2 сельских обществ имения, однако крестьяне, без внятных объяснений, подписывать ее не стали. В такой ситуации, при отсутствии установленных правовым порядком весомых причин, Уставная грамота должна была вступить в силу в соответствии со ст.69 Положения через год с момента заверения.

И вот здесь начинается по-своему уникальная для пореформенной России судьба сельских крестьянских общин с помещиком за фактическое (хотя и весьма малое!) изменение размеров им назначенных наделов. Причем изменение даже

не столько в размере, сколько – в качестве выделяемой земли, в её пригодности под огороднический промысел, что для коммерчески мыслящих крестьян имело первейшее значение.

Бывшие крепостные крестьяне помещиков Всеволожских (от лица сельских общин) поступают строго по Закону: подают 17 января 1863 г. жалобу в Губернское по крестьянским делам присутствие. А, не дожидаясь ответа от «неторопливой» имперской бюрократической инстанции, 13 июля 1863 г., почти через полгода, – повторную жалобу уже на Высочайшее имя Государя.

Нужно сказать, что в 1861 г. в деревнях имения Всеволожских был неурожай с сопутствующим падёжом скота. В 1862 г. массовый падёж скота повторился. Всего в деревнях Пугарево, Кяселево, Румболово, Губки/Романовка и Корнево погибло 528 голов крупного рогатого скота на сумму 18.480 руб. Крестьяне-челобитчики, оставшиеся в новых пореформенных условиях без опеки и помощи помещика в их критической ситуации, мудро обращаются за поддержкой к новому «гаранту их благополучия» – государству в лице Верховного правителя. Причем (если опустить некие общие стечения претензии – с правовой точки зрения спорные) они предлагали им помочь не «подаванием на бедность», а «экономически»: дать в наделы (хотя бы частично!) землю получше, покращенней.

Со своей стороны, А.В. Всеволожский оказался не гротескный феодал-крепостник: он во второй половине 1863 г., не дожидаясь рассмотрения претензий своих «временнообязанных» в правительственных канцеляриях, решил пойти с крестьянами «на мировую»: землемором Федоровым в присутствии уполномоченных от обществ (М.И.Сойко, М.Е.Томина, И.Сергеева, М.С.Патти) и владельца имения было произведено, как бы сейчас сказали, «переформатирование наделов» и кое-где даже прирезана пахотная (т.е. качественная, унавоженная!) земля.

Тем не менее после сбора всех сведений о деле, **5 августа 1864 г.** постановлением Губернского присутствия, – как высшей в этом деле инстанцией, – претензии крестьян-«истцов» к помещику на прирезку наделов были удовлетворены окончательно, хотя и частично, так как «последнее не сходило с количеством земли, назначенным по грамоте; что вследствие сего сделаны должные, согласно уставной грамоте исправления...». По результату изменения были следующие: в крестьянские наделы вошли **1336,75 дес.** пахотной земли (**на 66 дес. больше**). Т.е. надел на душу вырос **до 3,42 дес. (на 0,17 дес.)**. Площадь отдаваемой безвозмездно «в пользование» сельских обществ неудобной земли при этом **сократилась на 26,5 десятин**.

Красноречивая цитата из постановления губернского присутствия по деревне Румболово: «...прирезать к наделу около 4-5 десятин навозной пашни под горою и близ кирки, к стороне Петербурга, а взамен того отрезать столько же земли преимущественно песчаной около избы отдельно-го пахаря Ивана Алексеева Триденского».

Данный имущественно-правовой инцидент, возникший в русле мер, осуществляемых в ходе Великой крестьянской реформы 1861 г., показателен тем, что путем правовых и бюрократических процедур две стороны приходят к приемлемому для них консенсусу, который не доводит претензии трудящегося крестьянского слоя до известных российской истории «красного петуха» или «вилы в бок».

То, что жизнь Всеволожских крестьян в дальнейшем развивается благоприятно, свидетельствуют сведения от 1880 г.: «...состоятельность крестьян очевидна и доказывается уплатой ими в пользу помещика безнедоимочно не только оброка, но даже пеней за каждую просрочку (единственный пример в целом уезде), что стоимость аренды десятины земли в Рябовском имении доходит до 10 – 12 руб., а потому своевременная плата повинностей обеспечивается...».

В качестве основы для данного исследования послужили материалы фонда «Главного выкупного учреждения Министерства финансов Российской Империи», хранящиеся в Российском государственном историческом архиве.

Г.Ю. АФАНАСЬЕВ,
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Российского государственного исторического архива.

Гор. Всеволожск
НА СНИМКЕ: памятник Всеволоду Андреевичу, первому владельцу Рябовской вотчины из рода Всеволожских.